

DOI: 10.25629/НС.2026.06.04

УДК: 159.9:316.6

ВАК 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Кудашова Евгения Александровна, кандидат медицинских наук, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко Министерства здравоохранения Российской Федерации

Kudashova E.A., Candidate of Medical Sciences, Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko, Ministry of Health of the Russian Federation

✉ eakudashova@mail.ru

Вынужденная дефицитарность в контексте хронотопической разверстки бытия человека: теоретико-методологический анализ

Аннотация

Статья представляет собой теоретический обзор, посвященный проблеме вынужденной дефицитарности в структуре жизненного самоосуществления личности. На основе анализа концепций А.А. Ухтомского, М.М. Бахтина, а также современных подходов В.Е. Клочко, И.О. Логиновой и зарубежных исследователей в статье обосновывается понимание вынужденной дефицитарности как системного феномена, изменяющего пространственно-временную организацию бытия человека. Показано, что хронотопическая разверстка бытия выступает не пассивным фоном, а активной структурой, определяемой доминантными очагами. В работе также анализируются современные исследования постковидного синдрома, цифровой трансформации хронотопа и феномена дефицита возможностей в контексте социальных кризисов 2020–2024 гг. Особое внимание уделяется нейрофизиологическим и психологическим механизмам формирования «доминанты дефицита», а также ее роли в ненормативных кризисах (болезнь, утрата, социальная изоляция). Статья содержит вывод о необходимости смены исследовательской оптики с анализа поведенческих тактик на изучение трансформации стратегий и целей жизни в условиях сужения «пространства возможностей».

Ключевые слова

вынужденная дефицитарность, хронотоп, доминанта, хронотопическая разверстка бытия, жизненное самоосуществление, ненормативный кризис, пространство возможностей, психология сложных систем

Forced deficitarity in the context of the chronotopic unfolding of human existence: a theoretical and methodological analysis

Abstract

The article presents a theoretical review focused on the problem of forced deficitarity in the structure of an individual's life self-realization. Drawing on the concepts of A.A. Ukhtomsky, M.M. Bakhtin, as well as contemporary approaches developed by V.E. Klochko, I.O. Loginova, and international scholars, the paper substantiates the understanding of forced deficitarity as a systemic phenomenon that transforms the spatiotemporal organization of human existence. It is demonstrated that the chronotopic unfolding of being functions not as a passive background but as an active structure shaped by dominant foci. The study also examines current research on post-COVID syndrome, the digital transformation of the chronotope, and the phenomenon of opportunity deficit in the context of the social crises of 2020–2024. Particular attention is paid to the neurophysiological and psychological mechanisms underlying the formation of a “deficit dominant,” as well as to its role in non-normative crises such as illness, loss, and social isolation. The article concludes that there is a need to shift the research focus from the analysis of behavioral tactics to the study of transformations in life strategies and goals under conditions of a narrowing “space of possibilities.”

Keywords

forced deficitarity, chronotope, dominant, chronotopic unfolding of being, life self-realization, non-normative crisis, space of possibilities, psychology of complex systems

Введение

Актуальность исследования феномена вынужденной дефицитарности обусловлена ростом числа социальных, медицинских и экзистенциальных вызовов, с которыми сталкивается современный человек. Ситуации хронической болезни, потери ресурсов, социальной изоляции или длительного стресса перестают восприниматься как исключительные события, становясь частью нормативной реальности для значительной части населения. Если ранее дефицит часто рассматривался как статичное состояние, то работы последних лет акцентируют внимание на его динамическом и хронифицирующем характере, дефицит «встраивается в систему повседневности человека. В контексте современных реалий (постпандемийный синдром, цифровая трансформация, рост тревожных расстройств) проблема вынужденной дефицитарности приобретает новые измерения. Анализ публикаций за последние пять лет свидетельствует о смещении исследовательского интереса от констатации факта дефицита к изучению механизмов его «встраивания» в повседневность. Как отмечает Е.А. Сергиенко, «современный человек сталкивается не с единичным дефицитом, а с их кумулятивным эффектом, требующим постоянной реорганизации временной перспективы» [12, С. 45]. Все это обнажает необходимость для психологической науки пересмотра традиционных подходов к пониманию дефицита не просто как отсутствия ресурсов, но как сложного системообразующего фактора, реорганизуемого внутреннего мира личности и ее временную перспективу.

Цель настоящей обзорной статьи – теоретико-методологический анализ категорий «вынужденная дефицитарность», «хронотоп» и «хронотопическая разверстка бытия» в их взаимосвязи, а также выявление механизмов трансформации жизненного мира личности под воздействием устойчивой дефицитарности.

Методологическая база. Исследование опирается на принципы историко-психологического и теоретического анализа, системный и синергетический подходы. В работе использованы фундаментальные труды отечественных (А.А. Ухтомский, М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, В.Е. Ключко, И.О. Логинова) и зарубежных (А. Маслоу, Г. Селье, Б. Макьюэн, С. Маллаинатан) авторов, а также современные исследования за период 2020–2026 гг., включая работы по постковидному синдрому, цифровой трансформации личности и пространственному повороту в философии.

1. Теоретические основания: от доминанты к хронотопу

Понятие хронотопа (от др.-греч. χρόνος «время» и τόπος «место») было введено А.А. Ухтомским в контексте физиологических исследований как «закономерная связь пространственно-временных координат» [15], и затем (с подачи М. М. Бахтина) перешло в гуманитарную сферу. «С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них – с событиями исчезающего вдали будущего» [16].

Главным открытием Ухтомского принято считать разработанный им принцип доминанты – теорию, способную объяснить некоторые фундаментальные аспекты поведения и психических процессов человека. В примечании к своему труду «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» Ухтомский пишет: «Я употребляю этот термин (доминанта) в смысле Авенариуса: «В конкуренции зависимых жизненных рядов один из них приходится рассматривать как доминанту для данного момента, в направлении которой определяется тогда общее поведение индивидуума» [15].

Ухтомский рассматривает доминанту как функциональный орган, который структурирует время – создаёт ритм активности и пассивности человека, организует пространство – выделяет значимые объекты и направления. «Всякое восприятие пространства и времени доминантно обусловлено – мы видим не всё, что попадает на сетчатку, а то, что значимо в данный момент» [16, 17].

Прошедшее – опыт (память); будущее – цели, мечты, надежды, планы (предвидение); настоящее – «со-бытие» (действие). Элементарная единица вечности – хронотоп – в таком случае ограничен пределами настоящего, пределами «данного момента».

Доминанта настоящего определяет временную перспективу поведения: она создаёт установку на будущее, организует настоящее и интерпретирует прошлое. Пространство для организма – не геометрическая данность, а поле значимостей, структурированное доминантными очагами. В отличие от абстрактного пространства и пустого времени, хронотоп у Ухтомского представляет собой событийную структуру, где «мировые линии» связывают прошлое, настоящее и будущее в едином функциональном узле [16].

М.М. Бахтин, перенеся понятие хронотопа в гуманитарную сферу, определил его как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2]. Однако значимость бахтинского подхода выходит за рамки литературоведения. Бахтин показал, что пространственно-временные структуры (хронотопы) – не просто фон, а активный участник формирования человеческого опыта. Автор выделяет конкретные хронотопы, например, «дорога» – «места случайных встреч», «замок» – «пространство власти и истории», «порог» – «кризисный и переломный жизненный момент».

В современной философской и психологической литературе понятие хронотопа получает дальнейшее развитие. Так, В.Е. Кемеров в монографии «Социальная философия: хронотопический поворот» (2023) обосновывает переход «от рассмотрения времени в формах пространства к трактовке пространства в формах времени», что раскрывается «в социальной динамике, в деятельности людей и их самореализации» [5].

Ю. Бродецкая в статье «Spatial Turning: Chronotopicity of Being» (2023) анализирует «пространственный поворот» в современной философии, показывая, что «пространство и время как аспекты существования не просто взаимосвязаны, но и активно влияют на человеческое существование и изменяют его» [21]. Автор подчеркивает, что в координатной системе современного человека «пространство предстает визуальным и чувственным», а «пространственный поворот» предлагает «новую топос-оптику» [21].

А.В. Соловьев в исследовании «Хронотоп вещи или вещь хронотопа: вещь как структуризатор пространства и времени» (2024) развивает идею о том, что вещь «является сложной сущностью и культурной формой, которая взаимодействует с хронотопом двунаправленно, объективизируя и субъективизируя его» [13]. Автор обосновывает тезис о том, что «вещи как носители смыслов, как символические объекты и как хронотопоиндикаторы являются структурирующими и стабилизирующими элементами человеческой культуры» [13, С. 733].

В работах исследователей (В.А. Подорога [11]) убедительно демонстрируются корреляции между концепциями Ухтомского и Бахтина: «дорога» соответствует «поисковой доминанте», а «порог» – «кризисной доминанте». Синтез этих подходов позволяет утверждать: человек живет не в абстрактном пространстве-времени, а в пространстве-времени своих доминант. Хронотоп, таким образом, выступает конкретным выражением организации поведения и сознания, а хронотопическая разверстка бытия – это не этапность жизни, а способ конструирования существования через синтез ретенции (удержания прошлого) и протенции (ожидания будущего).

С учетом вышесказанного, хронотопическая развёрстка бытия человека – это не просто деление жизни на этапы, а глубокий философский взгляд на то, как человек проживает, осмысливает и конструирует своё существование во времени.

Время неоднородно, это не пустая длительность, а насыщенное смыслами поле, в котором сознание постоянно синтезирует временные модусы. Время – не внешняя рамка, а способ бытия человека. Сознание конституирует временной поток через удержание прошлого и ожидание будущего. Человек осмысливает свою жизнь не как смену дискретных этапов, а как целостный сюжет.

2. Вынужденная дефицитарность как системообразующий фактор

Переходя к проблеме дефицитарности, важно развести понятия «нехватки» и «вынужденной дефицитарности». Как отмечает Д.А. Леонтьев, «дефицитарность – это не просто отсутствие возможностей, но утрата самой способности эти возможности видеть и использовать» [7]. В условиях вынужденной дефицитарности, вызванной болезнью, потерей, социальными ограничениями и т.п., доминанта формируется особым образом: конкретный ситуационный дефицит приобретает сверхзначимость, становясь организующим началом поведения. Условия болезни, потерь, ограничений могут стать смыслообразующими доминантами жизненного пути человека. Личность, сталкиваясь с вынужденным дефицитом, перестраивает систему отношений, ценностей и жизненных стратегий.

Т.Д. Марцинковская в статье «Целостность и хрупкость личности в современном цифровом мире» (2025) раскрывает «роль хронотопа повседневности как фактора поддержания жизненного пути и целостности личности». Автор демонстрирует «влияние технологий (в том числе и цифровых) на личность, состоящее в нарушении динамической целостности и повышении хрупкости структуры идентичности». В цифровом мире «изменение хронотопа повседневности происходит даже в относительно стабильной ситуации: это связано с возможностью одновременного пребывания в онлайн и офлайн пространстве и времени». Особую значимость для понимания дефицитарности в современных условиях приобретает вывод автора о том, что «окружающая ситуация, определяемая социальными изменениями, принимается во внимание как фактор, меняющий гетерохронность хронотопа; при таком условии происходит нарушение гомеостаза и одновременно появляется энергия для развития личности» [9].

О.В. Флеров в исследовании «Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося» (2025) отмечает, что «специфика современного цифрового пространства с его стихийными информационными потоками... требует осмысления взаимодействия с ними не только в функциональном, но и в рефлексивном, и в ценностном плане». Автор подчеркивает, что «информационная культура как наиболее обобщенное педагогически рассматриваемое в данном контексте качество приобретает цифровую парадигму, расширяющую её содержание от качеств сбора и обработки информации до понимания реалий цифрового мира и особенностей существования человека в нём», «цифровая стихия становится для всё большего числа людей основным источником знаний», что при определенных условиях может формировать новые формы когнитивного и смыслового дефицита [18].

Особый вклад в понимание динамики дефицитарности внесла школа В.Е. Ключко, рассматривающая человека как открытую самоорганизующуюся систему, существующую в «ко-эволюционирующем единстве с миром» [6]. С точки зрения синергетического подхода, кризис (в том числе дефицитарный) есть точка бифуркации – момент выбора системой дальнейшего пути. Вынужденные ограничения сужают «пространство возможностей» многомерного мира личности, делая его из многовариантного одномерным, сфокусированным на сверхценной доминанте дефицита.

Вынужденные ограничения (материальные, временные, социальные) не просто лишают человека ресурсов, а сужают «пространство возможностей» его многомерного мира. Мир личности из многовариантного и сложного становится одномерным, сфокусированным на актуальном дефиците, поскольку именно он является сверхценной доминантой.

Длительная дефицитарность создает «напряженную возможность», которая может реализоваться в негативный сценарий - система не справляется и переходит на более примитивный уровень функционирования (регресс, апатия, депрессия, агрессия); или в позитивный сценарий (самоорганизация) - система находит скрытые ресурсы, перестраивается, порождая новые, подчас неожиданные, стратегии жизни и смыслы. Дефицит становится катализатором личностного роста и поиска новых «измерений» своего мира.

Нормальное развитие – это совместная эволюция человека и его мира. Вынужденная дефицитарность разрывает эту связь, делая мир враждебным и неподконтрольным, что блокирует самоорганизацию.

И.О. Логинова вводит ключевое для современной психологии понятие «дефицита возможностей» [8]. Ученый рассматривает возможность не как внешний шанс, а как внутреннее, психологическое образование, «модус отношения личности к миру». Дефицит возможностей – это не отсутствие шансов в объективной реальности, а утрата или несформированность у личности способности эти шансы воспринимать, порождать и реализовывать. Вынужденная дефицитарность неизбежно ведет к обеднению «жизненного мира» человека, его смысловой и ценностной опустошенности. Человек продолжает действовать, но его действия теряют личностный смысл. Дефицит возможностей является по сути несформированностью у личности способности порождать и реализовывать шансы.

Автор выделяет три вида дефицита, накапливающихся во времени: когнитивный - неспособность спроектировать выход из ситуации, деятельностный - отсутствие навыков изменения жизни, и личностный (смысловой) - утрата потребности в изменениях, «экзистенциальный паралич».

С.С. Бурмистров в работе «Проблема сохранения субъектности человека в условиях цифровой революции» (2025) показывает, что «современный человек оказывается в условиях гибридной цифровой среды, где реальный и виртуальный миры переплетаются, что может привести к фрагментации личности и отчуждению субъектности» [3]. В контексте вынужденной дефицитарности это означает появление нового измерения дефицита – «дефицита субъектности», когда человек утрачивает способность быть автором собственной жизни не вследствие внутренних ограничений, а вследствие внешнего цифрового давления.

Таким образом, работы Логиновой и Ключко, а также современных исследователей цифровой среды переводят проблему из плоскости «иметь/не иметь» в плоскость «быть/не быть способным», акцентируя утрату авторства собственной жизни как главную трагедию дефицитарности.

3. Нейрофизиологические и эмпирические корреляты доминанты дефицитарности

Для понимания нейрофизиологических основ формирования доминанты стоит ассимилировать понятия концепции доминанты А.А. Ухтомского, согласно которой «доминанта есть достаточно стойкое возбуждение, приобретающее значение господствующего фактора в работе прочих отделов центральной нервной системы..., в основе которой лежит способность нервных центров к длительной, устойчивой активности, подчиняющей себе деятельность других центров», и теории функциональных систем П.К. Анохина, согласно которой «системогенез – это избирательное и ускоренное развитие структурно-функциональных образований, обеспечивающих формирование полезных приспособительных результатов» [1].

Ассимилируя эти две концепции, можно утверждать, что функциональная система выстраивается для достижения полезного приспособительного результата в условиях дефицита, а формирование устойчивой доминанты вынужденной дефицитарности имеет нейрофизиологическую основу.

Острый дефицит активирует гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковую систему, запуская стресс-реакцию [29], однако хронизация дефицитарности приводит к структурным изменениям в мозге, и то, что в случае острого стресса выступает в качестве защитного механизма, в случае хронизации дефицитарности становится причиной значительных изменений не только нейрофизиологических процессов, но и структурных композиций в мозге. Как показывают исследования Б. Макьюэна [26], длительный стресс вызывает атрофические изменения в гиппокампе, что напрямую связано с нарушениями памяти и эмоциональной регуляции.

Нейропластичность, обеспечивающая адаптацию, в условиях хронического дефицита закрепляет патологические поведенческие паттерны. Происходит кристаллизация новой поведенческой системы, стабилизация особой доминанты за счет автоматизации компенсаторных реакций, снижения чувствительности к дефициту и формирования «дефицитарного мышления».

Важным открытием является то, что хронический дефицит приводит к формированию устойчивых стратегий, сохраняющихся даже после устранения дефицита. Эксперименты С. Маллайнатана и Э. Шафира [27] показали, что дефицит ресурсов (времени, денег) создает «ловушку дефицита», снижая когнитивные резервы и способность к долгосрочному планированию. Нейробиологические исследования Н. Волкова [30] демонстрируют, что хронический дефицит снижает плотность D2-рецепторов в стриатуме, что способствует формированию компульсивного поведения. Компенсаторная перестройка, запущенная вынужденным дефицитом, в конечном итоге, приводит к закреплению новых поведенческих паттернов – именно тех, которые в данный конкретный момент жизни данной конкретной личности являются полезным компенсаторным приспособлением. Полезная функция определяет формирование полезной структуры.

Классические экспериментальные модели (К. Кейс, Х. Харлоу, У. Бекстон) подтверждают универсальность механизма: пищевая депривация, социальная изоляция или сенсорный голод неизбежно приводят к формированию сверхценной доминанты, обеднению интересов и социальной дезадаптации [20, 23, 24].

В то же время О.С. Сулим в исследовании «Событийная временная перспектива будущего как адаптационный ресурс в условиях социальных кризисов» (2024) представляет эмпирические данные о трансформации временной перспективы респондентов. Вопреки ожидаемым дефицитарным изменениям, автор зафиксировал «расширение горизонта планирования и увеличение количества антиципируемых событий в условиях пандемии COVID-19 и СВО» [14]. Эти

данные дополнительно подкрепляют позицию Клочко и Логиновой, что вынужденная дефицитарность в условиях социальных кризисов может не только сужать временную перспективу, но и парадоксальным образом расширять ее как адаптационный механизм, что несомненно требует дальнейшего изучения.

4. Вынужденная дефицитарность в контексте ненормативных кризисов

Особый интерес для психологии личности и медицинской психологии представляет специфика доминанты дефицитарности, связанная с хроническими и жизнеугрожающими заболеваниями. В этом случае дефицит выступает не просто ограничителем, а мощным катализатором ненормативного кризиса.

Современные исследования показывают формирование специфических доминант при различных патологиях: при синдроме раздраженного кишечника изменяется активность островковой коры [25]; при хронической сердечной недостаточности формируется метаболическая доминанта с ремоделированием миокарда [28]; персистирующая боль создает «болевою доминанту» с реорганизацией соматосенсорной коры [22]; персистирующие инфекции формируют иммунную доминанту с истощением Т-лимфоцитов [31].

Однако, значительно меньше исследований посвящено влиянию этих доминант на жизненные сферы человека. Дефицитарность, связанная с болезнью, нарушает хронотопическую разверстку: она разрушает ожидаемый жизненный цикл, требует экстренной перестройки идентичности, ставит под угрозу базовые экзистенциальные установки: угроза смерти, изоляции, бессмысленности (по И. Ялomu) [19], создает уникальные стрессоры, не предусмотренные нормативным развитием, формируя стойкое ощущение утраты контроля над собственной жизнью, ставя под угрозу ожидаемые перспективы и жизненные сценарии. Дефицит полноправной доминантой врывается в пересмотр социальных связей, перестраивая всю систему социальных отношений, приводя к изоляции и ограничению социальных контактов, стигматизации, изменению семейных ролей, профессиональной неопределенности. Болезнь погружает человека в кризис идентичности: кто я теперь? я – больной или я - здоровый? что значит моя жизнь?

В этом контексте вынужденная дефицитарность, связанная с болезнью, очевидно становится основой для ненормативного кризиса, меняющего не только тактику жизни (поведенческие паттерны), но и стратегию (жизненные сценарии) и цели жизни. При этом вектор трансформации: регресс или посттравматический рост, - зависит от способности системы к самоорганизации и преодолению «дефицита возможностей».

И именно в точке совпадения доминанты дефицитарности и личности во времени и пространстве скрывается сложнейший механизм, понимание которого не только необходимо для более глубокого и целостного понимания тонких настроек высокоорганизованной системы под названием «психика», но и для разработки эффективных терапевтических подходов к управлению динамикой личностной трансформации.

Заключение

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Хронотопическая разверстка бытия является фундаментальной характеристикой существования человека, представляющей собой не линейную последовательность событий, а сложную структуру, синтезирующую прошлое, настоящее и будущее. Эта структура организуется доминантными очагами, которые задают значимость пространственно-временных координат.

2. Вынужденная дефицитарность - это не просто состояние нехватки ресурсов, а системный феномен, приводящий к качественной перестройке системы «человек-мир». В условиях дефицита формируется особая сверхценная доминанта, которая сужает многомерное пространство возможностей, перестраивает иерархию ценностей и может приводить к утрате способности быть автором собственной жизни. В цифровую эпоху возникают новые формы дефицитарности – «дефицит субъектности» и «фрагментация идентичности», требующие отдельного теоретического осмысления.

3. На нейрофизиологическом уровне закрепление доминанты дефицитарности обеспечивается механизмами нейропластичности и стресс-индуцированными изменениями в лимбической системе, что объясняет устойчивость сформированных дезадаптивных паттернов даже после устранения дефицита.

4. Ненормативные кризисы, связанные с болезнью и утратами, актуализируют экзистенциальные вызовы (смертность, изоляция, утрата смысла), превращая дефицитарность в мощный фактор трансформации личности. При этом вектор трансформации зависит от способности системы к самоорганизации и преодолению «дефицита возможностей». Исследования временной перспективы в условиях социальных кризисов показывают, что дефицитарность может парадоксальным образом стимулировать адаптационные механизмы, включая расширение горизонта планирования.

5. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение сложных механизмов взаимодействия доминанты вынужденной дефицитарности и личности в едином хронотопе, что позволит разработать эффективные стратегии психологической помощи, ориентированные не на коррекцию отдельных тактик поведения, а на восстановление способности к целостному жизненному самоосуществлению.

Библиография

1. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / П.К. Анохин // Принципы системной организации функций. Москва : Наука, 1973. С. 5-61.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Москва : Художественная литература, 1975. С. 234-407.
3. Бурмистров С. С. Проблема сохранения субъектности человека в условиях цифровой революции / С. С. Бурмистров // Идеи и Идеалы. 2025. Том 17, № 1.1. С. 177-198. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2025-17.1.1-177-198>
4. Выготский Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. Москва : Смысл : Эксмо, 2005. 1136 с.
5. Кемеров В. Е. Социальная философия: хронотопический поворот / В. Е. Кемеров. Москва : Перо, 2023. 180 с. ISBN 978-5-00218-567-2.
6. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности / В. Е. Ключко. Томск : Томский государственный университет, 2005. 174 с.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла / Д. А. Леонтьев. Москва : Смысл, 1999. 487 с.
8. Логинова И. О. Дефицит возможностей как проблема психологии личности / И. О. Логинова // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 45-59.
9. Марцинковская Т. Д. Целостность и хрупкость личности в современном цифровом мире / Т.Д. Марцинковская // Вопросы философии. 2025. № 11. С. 124-131. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-11-124-131>
10. Маслоу А. Мотивация и личность : перевод с английского / А. Маслоу. Санкт-Петербург : Евразия, 1999. 478 с.
11. Подорога В. А. Выражение и смысл / В. А. Подорога. Москва : Ad Marginem, 1995. 426 с.
12. Сергиенко Е. А. Психология субъекта: проблемы и решения / Е. А. Сергиенко. Москва : Институт психологии РАН, 2024. 320 с. ISBN 978-5-9270-0456-8.

13. Соловьев А. В. Хронотоп вещи или вещь хронотопа: вещь как структуризатор пространства и времени / А. В. Соловьев // *Культура и искусство*. 2024. Том 10, № 3. С. 733-742. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-733-742>
14. Сулим О. С. Событийная временная перспектива будущего как адаптационный ресурс в условиях социальных кризисов. / О. С. Сулим // *Психологические исследования (электронный журнал)*. 2024. Том 17, № 93. <https://doi.org/10.54359/ps.v17i93.1515>
15. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 448 с.
16. Ухтомский А. А. Избранные труды / А. А. Ухтомский. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 328 с.
17. Ухтомский А. А. Интуиция совести / А. А. Ухтомский // *Вестник знания*. 1954. № 7. С. 23-27.
18. Флеров О. В. Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося / О. В. Флеров // *Психология и Психотехника*. 2025. № 2. С. 223–235. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2025.2.74288>
19. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия : перевод с английского / И. Ялом. Москва : Класс, 1999. 576 с.
20. Bexton W. H. Effects of decreased variation in the sensory environment / W. H. Bexton // *Canadian Journal of Psychology*. 1954. Volume 8, № 2. P. 70-76.
21. Brodetska Y. Spatial Turning: Chronotopicity of Being / Y. Brodetska. // *Δόξα / Doxa*. 2023. № 2(40). P. 6-14. [https://doi.org/10.18524/2410-2601.2023.2\(40\).307195](https://doi.org/10.18524/2410-2601.2023.2(40).307195)
22. Flor H. Phantom-limb pain as a perceptual correlate of cortical reorganization following arm amputation / H. Flor // *Nature*. 1995. Volume 375, № 6531. P. 482-484.
23. Harlow H. F. Learning to love / H. F. Harlow // *American Scientist*. 1970. Volume 58, № 2. P. 164-165.
24. Keys A. The Biology of Human Starvation / A. Keys. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1950. Volume 2. 1385 p.
25. Mayer E. A. Gut feelings: the emerging biology of gut–brain communication / E. A. Mayer // *Nature Reviews Neuroscience*. 2011. Volume 12. P. 381-396.
26. McEwen B. S. Physiology and neurobiology of stress and adaptation: central role of the brain / B. S. McEwen // *Physiological Reviews*. 2007. Volume 87, № 3. P. 873-904.
27. Mullainathan S. Scarcity: Why Having Too Little Means So Much / S. Mullainathan, E. Shafir. New York : Times Books, 2013. 288 p.
28. Packer M. Neurohormonal interactions and adaptations in congestive heart failure / M. Packer // *Circulation*. 1988. Volume 77, № 4. P. 721-730.
29. Selye H. The Stress of Life / H. Selye. New York : McGraw-Hill, 1956. 324 p.
30. Volkow N. D. Dopamine in drug abuse and addiction: results of imaging studies and treatment implications / N. D. Volkow // *Molecular Psychiatry*. 2007. Volume 64, № 11. P. 1575-1579.
31. Wherry E. J. T cell exhaustion / E. J. Wherry // *Nature Immunology*. 2011. Volume 12, № 6. P. 492-499.

Поступила в редакцию: 25.05.26

Принята к публикации: 20.06.26